

НЕБЕСА ОБЕТОВАННЫЕ

Вариации ля-мажор для летописца с оркестром

1. ПРОСТО ВУНДЕРКИНД

Гениальный музыкант и стопроцентный одессит Эмиль Гилельс родился 19 октября 1916 года. И, ясное дело, произошли сие событие не в Одессе, а несколько севернее и восточнее нашего с вами родного города, биографы Эмиля Григорьевича не преминули бы многозначительно поднять указующий перст и процитировать легендарное:

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле,
И скроется за край окружных гор...*

И впрямь же, казалось бы, сам Всевышний так повелел: ведь эти вечные, на все времена, пушкинские строки так и именуются – «19 октября»!

Однако ж, увольте: ну, какой мороз – на черноморских берегах в пору еще по-настоящему золотой осени?! Да и день в это время года у нас отнюдь не «поневоле», а, как говорится – если и не на всю катушку, так все же «очень и очень».

И дальше.

Ну какой нормальный одесский ребенок – не вундеркинд?! И какого еврейского мальчика сто лет назад родители не отдавали в музыканты?! Это потом они все станут гениями – и Ойстрах, и Рихтер, и Фельцман, и Бела Файн, и Роза Файн, и тот же Гилельс... А пока суд да дело – так самые же обыкновенные вундеркинды, ни на копейку меньше и ни на сто рублей больше. И не важно вовсе даже то, что отец маленького Светика Рихтера был и сам по себе далеко не последним человеком в музыкальном мире, а немолодые уже Григорий Григорьевич Гилельс и его супруга Эсфирь Самойловна имели общих детей, но не имели ничего общего с музыкой. Но, извините, а у мальчика Модеста Та-

бачникова родители работали – где бы вы думали, могут работать люди с такой фамилией? – правильно: на табачной фабрике. И Модест Табачников стал знаменитым композитором. Чем Гилельс хуже?!

Так вот: одесская традиция есть одесская традиция, и потому маленькой девочке Лизе Гилельс и ее старшему на три года брату Миле на роду тоже были написаны дальняя дорога – но звездная, и обжигающее солнце – но ослепительно-светлое. Словом, четырехлетний Милечка Гилельс предстал пред ясны очи известного всей Одессе Якова Ткача. И тот... нет, не отказал, но посчитал, что мальчик «еще не дорос» до большой учебы. Погодить, мол, немножко надо бы. Прав ли он был или перестраховывался? Наверное, все же прав. Тем более, что именно он, Яков Исаакович Ткач, первым напророчил будущему пианисту Гилельсу знатное и яркое будущее. И напророчил его уверенно, со знанием дела, поскольку сам имел за плечами парижскую школу, где его, Ткача, педагог, некогда был учеником у того, кого, в свою очередь, наставлял самолично феноменальный Шопен...

Впрочем, у гениев же всегда так: их пути непременно – раньше или позже, но неизбежно! – переплетаются. И к одному и тому же небосклону все они восходят звездами. А уж если с учениками своими вместе – так целыми созвездьями. Галактиками.

...Словом, сказали Гилельсу погодить – он и погодил. Всего-то годик ожидания. Зато... целый лишний год рыжий Миля мог до изнеможения возделенно гонять в футбол, а не разучивать гаммы!

Опять-таки: все повторяется в одесской природе. В середине двадцатого века в одном из домов старой Одессы, всего в квартале от Нового рынка, будет спускаться с третьего этажа грозная мама одного из пацанов, гоняющих во дворе мяч, и риторически вопрошать:

«Марик, ты будешь играть скрипочка или ты будешь играть фут-

Эмиль и Елизавета Гилельс

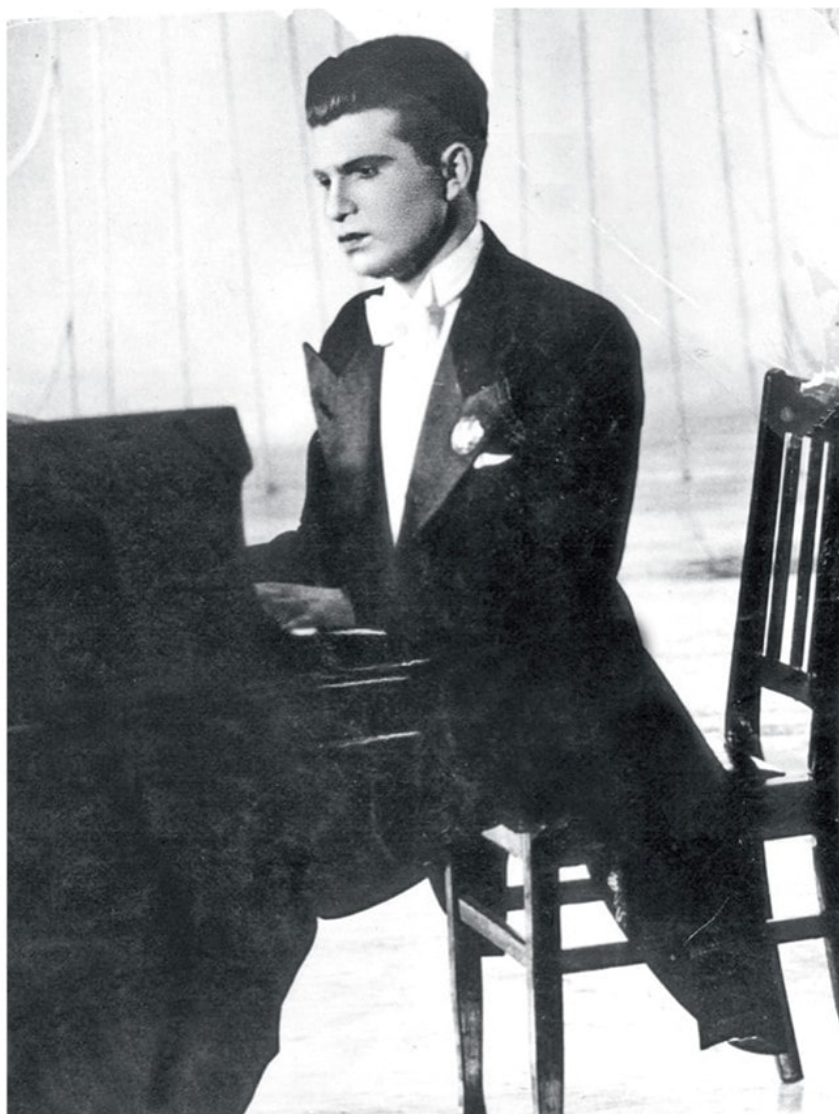
бол?» – да-да, не «играть в футбол», а «играть футбол», так говорила она. И Марик, размазывая слезы, будет плестись вслед за неумолимой мамой, цепко схватившей его за руку. Пройдут годы, и о футбольных увлечениях Марика забудут. Но все будут знать народного артиста, лауреата Государственных премий, профессора и всемирно признанного маэстро Марка Горенштейна. Не так ли точно, разве что на три десятилетия раньше, было и у Гилельса?

Не достигнув и восьми лет от роду, на «Музыкальных курсах», где преподавал Ткач, его ученик Гилельс сыграл свой первый экзамен. И – прозвучал! И – на-ча-лось!

Собственно, что именно – началось? А то самое: восхождение!

Одесса в те времена звучала, как музыка, и музыка звучала повсюду – и в душе Одессы, и в душах одесситов. А Гилельс слушал эту музыку, впитывал ее и дышал ею.

В 1927 году на наших берегах гастролировал Сергей Прокофьев. И не знал, что в зале на его концерте сидят трое мальчиков, один из которых прославит впоследствии его, Прокофьева, Восьмую сонату. Теперь, конечно, нам уже все понятно, ведь мальчика звали Эмиль Гилельс. И уж не упустим случая назвать двух других упомянутых юных слушателей прокофьевского выступления: Давид Ойстрах и Святослав Рихтер...

Да-да, господа, это хоть и похоже на легенду, но тем не менее самая что ни на есть святая правда: это ведь – Одесса!

2. ПО СТУПЕНЯМ ПЬЕДЕСТАЛОВ

А двадцатые годы сменились, сообразно календарю, тридцатыми. И Гилельсу было уже почти четырнадцать. И был он амбициозным эстетствующим юношей, который при фотографировании непринужденно закидывает ногу на ногу – благо в модных по тем временам гольфах.

И учился он пианизму уже в Одесской консерватории, у легендарной Берты Михайловны Рейнгальд. Амбициозный, сказали мы только что? Да, очень. И своенравный. И ершистый – как и положено одесситу. И,

как сказали бы нынче, – «юморной», без чего тоже одессит – не одессит.

Но Берта Михайловна нисколько не пыталась его «обломать» – напротив: она, как заботливая и добрая насадка, буквально пичкала... нет, не пичкала – фар-ши-ро-ва-ла мировоззрение и эрудицию любимого ученика литературой, живописью, театром, не говоря уже, конечно, о Музыке... А еще – не гнушалась играть с ним в четыре руки. И тем самым действовала по принципу «Делай, как я!», в отличие от иных «педагогинь» из будущих анекдотов и фельетонов, которые повторяют лишь «Делай, как я сказала»...

А жизнь была суровая. И достаток в многодетном семействе Гилельсов честнее следовало бы именовать не-

достатком. За «общедоступные» концерты, в которых работал молодой пианист, платили, как платят и сейчас, «общедоступные» зарплаты и пенсии... А где же взять деньги, которые так нужны, но уж никак не «общедоступны»?! Не иначе, завоевать какую-нибудь громкую премию на столь же громком конкурсе молодых дарований... Кстати, вот и Второй всеукраинский конкурс пианистов в тогдашней украинской столице Харькове «подвернулся». Правда, по возрасту Гилельс еще не дорос до участия в нем. Но как тут было не вспомнить чисто одесский принцип: «Если нельзя, но очень-очень хочется – то можно!»

Когда в третьей четверти двадцатого века совсем еще молоденькой девчонке Ларочке Кудельман тоже очень нужны были деньги, она пошла петь в одесский ресторан «Черное море». Хотя юным девочкам в ресторан, как известно, ходить не рекомендовано. Но... победителей не судят! А певица Лариса Долина стала не просто победительницей, но и подлинной принцессой, если не королевой джазового и эстрадного вокала.

Выступая в Харькове, пусть и вне конкурса, Эмиль Гилельс получил персональную стипендию правительства Республики. Тут уже, как резонно пошутили потом дома, в Одессе, можно и масло на хлеб намазать, и скушать, и посмаковать...

А вслед за Киевом была Москва. Профессор Генрих Нейгауз, авторитетное светило в музыкальном мире, по всем канонам обязан был прийти в восторг от игры Эмиля. Но... не случилось. Выходит, и на старуху бывает проруха. Даже если и не на старуху, а на корифея... Придет срок, и Нейгауз изменит свое мнение, и изменит его радикально, но... всему свое время. А пока он еще настроен скептически.

Зато на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей наш семнадцатилетний земляк оказался уже не вне конкурса, а вне конкуренции. Сорок набриолиненных москвичей и двадцать вылизанных на пробор ленинградцев оспаривали тут между собою первенство, чтобы в итоге

овацию публика устроила... одесситу с буйной рыжей шевелюрой. Звучал Лист, звучал Моцарт, а главное – их божественные мелодии летели из-под пальцев Гилельса. И взмывали к небесам. К Небесам обетованным Высокой музыки. И вослед им летели овации от членов жюри, которые, забыв о ранжире, встали и устроили эту овацию парню с черноморских берегов.

На заключительный концерт приехал Сталин. После концерта он пригласил лауреата к себе в ложу и всячески выказывал тому свое царственное расположение... Известно же, и тираны порою хотят казаться заботливыми ценителями прекрасного...

Выпускник Одесской консерватории Эмиль Гилельс снова едет в город Кремля и Лубянки. Правительством Украины он командирован в Школу высшего художественного мастерства, как на тот момент именовалась аспирантура. И там – ну, надо же! – его руководителем оказывается... все тот же Генрих Нейгауз.

Ни аспирант, ни куратор уступать друг другу не намерены. Да и великосветская московская консерваторская «тусовка» никак не в восторге от чужака, захватившего музыкальный Олимп и оттеснившего оттуда «столичных знаменитостей».

И еще – день за днем, месяц за месяцем.

Одесситы Эмиль Гилельс и Яков Флиер едут на Дунай. Здесь, в Вене, первым на Международном конкурсе пианистов становится Флиер, вторым – Гилельс. «Пьедестал – наш!» – захлебывается политическим восторгом сталинская пресса, по поводу и без повода воспевающая «преимущества социализма». «А что, наши пацаны – таки да молодцы!» – довольно потирают руки одесситы.

Год спустя, в страшном и кровавом 37-м, нашим скрипачам будет рукоплескать Брюссель. Давид Ойстрах! Елизавета Гилельс! Борис Гольдштейн! Михаил Фихтенгольц! Ученикам прославленного одесского педагога профессора Петра Соло-

Эмиль Гилельс и его жена Фаризет Хуцистова

моновича Столярского нет равных в мире, да и быть не может. Столярский, господа, – это вам не как-нибудь, это же – сам Столярский! И его школа – это с большой буквы Школа «имени мене!» Весь мировой пьедестал – им, питомцам великого педагога, и никому другому, и только так!

Промчался еще год, и вновь Брюссель. Теперь – пианисты. И уже мировая слава взвилась, точно орел, над огненной гривой гениального Гилельса.

Так начиналась... нет, не начиналась – так продолжалась легенда.

3. НА ЛИНИИ ОГНЯ

В сорок первом в легенду ворвалась война. Те, с кем общался музы-

кант, да и вообще те, кто его окружал, уходили на фронт. Гилельс рвался на передовую. Добивался мобилизации, а его не пускали. Доходило до скандалов. Двадцатипятилетний пианист категорически решил сменить клавиши под пальцами на винтовку в руках. Пошел записываться в ополчение. Снова скандалы, крики – и... категорический отказ.

А вот отказать в концертной деятельности ему не смогли. И он летит в блокадный Ленинград. И здесь, в переполненном Большом зале филармонии, вкладывает в музыку все, что накопилось в душе. И, право же, это не гипербола: душевная мощь исполнителя передается жителям-героям блокадного города на Неве.

1985 год. Эмиль Гилельс (в центре) среди сотрудников Одесской консерватории

А потом – десятки и сотни концертов в прифронтовой зоне. В госпиталях. Прямо на сборных пунктах, где с последними аккордами слушатели прямиком идут на передовую. И, наконец, раз за разом вдохновение и напор музыканта чувствуются в его записях, которые с завидным постоянством транслирует радио.

Слава Гилельса, его популярность, несмолкаемые овации... Конечно, это не было секретом ни для кого. А вот строго засекреченным для других оказалось его прямое и ой какое небезопасное участие в судьбе того самого профессора Нейгауза, что некогда столь прохладно отнесся к таланту начинающего Гилельса. Во время гитлеровского наступления на Москву этнического немца Генриха Нейгауза арестовали. В лубянских казематах ему «светил» расстрел, ведь именно так представляли себе энкавэдэшные нелюди «профилактическую работу с потенциальными врагами». И в родной Гилельсу Одессе уже без суда и следствия казнен музыкант и отец другого великого музыканта – Теофил Рихтер... Общаться с арестованным Генрихом Густавовичем не рискнули даже иные его родственники. А Гилельс добился возможности передать ему в застенок, по крайней мере, коробку папирос и батон колбасы. И не остановился даже перед тем, чтобы прямо на правительственном концерте обратиться к Сталину с мольбой об освобождении больного старика. Тиран побелел и свой отказ сопроводил зловещим предупреждением: «По этому поводу впредь ко мне не обращаться!».

Что сомневаться: кто угодно другой на месте Гилельса зарекся бы на всю жизнь от подобных ходатайств. Но только не ершистый одессит с подлинно одесским горячим сердцем. И пару месяцев спустя, сыграв в Кремле для самого Уинстона Черчилля и покорив его, Гилельс во время приема услышал адресованную Черчиллю реплику Сталина: «У Гитлера есть Геббельс, а у меня – Гилельс!». Догадываетесь, что за этим последовало? Нет, не догадываетесь: была повторе-

на запретная, а потому уже и смертельно опасная просьба о спасении Нейгауза. И, как ни невероятно сие звучит, Сталин уступил... Генрих Густавович вышел на свободу.

4. НА ВЕРШИНЕ

«Майскими короткими ночами...»

«Бьется в тесной печурке огонь...»

«Выходила на берег Катюша...»

На площади перед Большим театром в Москве звучали аккорды угтсовского оркестра.

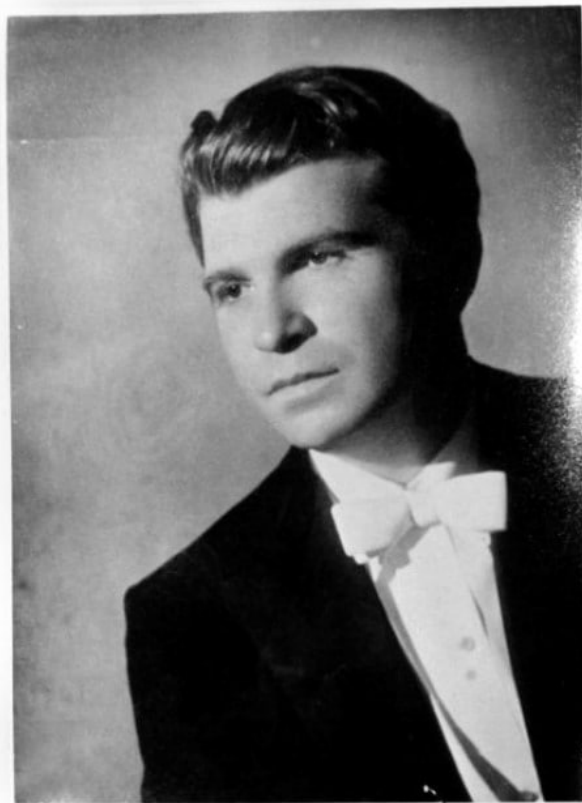
Пела Клавдия Ивановна Шульженко.

В Ленинграде за дирижерским пультом стоял великий Мравинский.

На Западе страну-победителя представляет всемирно признанный гений музыки Эмиль Гилельс. Вся лучшая фортепианная литература – его репертуар, от Баха – и до Кабалевского. Особая страсть мэтра – Бетховен. Сколько раз играл Гилельс бетховенские концерты – не сосчитать. Только вот, как и положено в общении двух классиков через годы и века, каждый раз бездонная страсть и огненная пронзительность Бетховена по-новому, свежо и первозданно звучат в исполнении феноменального мастера.

«Среди многих великих пианистов Эмиль для меня навсегда – номер один», – признался однажды легендарный маэстро Герберт фон Караян. И в признании этом Караян не был ни на йоту оригинален, он лишь подтвердил общеизвестную истину. Как сказали бы тут математики – аксиома не нуждается в доказательствах, на то она и аксиома.

Партнерами пианиста в ансамблевом исполнении становились великий скрипач Леонид Коган и уникальный виолончелист Мстислав Ростропович. За честь выйти с ним на сцену считали кумиры меломанов – виртуозы квартетов Бетховена и Бородина. А еще, начиная уже с 1938 года, мечтой и счастьем наиболее талантливых студентов Московской консерватории была учеба в классе профессора Гилельса. И, конечно же, высшей фирменной маркой для са-

*Дорогой Одесской Консерватории
Воспитавшей меня – самые наилучшие пожелания
Москва 28/VI/1963 Эмиль Гилельс*

мых солидных международных конкурсов оказывалось его, Гилельса, председательство в их жюри.

Звезды, если только они и вправду звезды, – горят ярко. Ослепительно ярко. А если звезды – это люди, то нередко, увы, и сгорают рано. Но свет их не гаснет, а тепло – не убывает ни с годами, ни с десятилетиями.

Одесса потеряла своего феноменального сына Эмиля Гилельса 14 декабря 1985 года. Ему не было и семидесяти.

Мир сохранил память о том, кто был Звездой и подлинным Солнцем Галактики, что зовется фортепианным искусством.

В стенах Одесской консерватории (ныне – национальной му-

зыкальной академии им. А.В. Неждановой), холившей и лелеявшей Гилельса, была выношена и воплощена идея Международного конкурса его памяти, который быстро обрел реноме крупнейшего форума амбициозных талантов практически всех стран планеты. «Звезды, зажженные Гением» – так о них говорят, и таковыми они с гордостью и трепетом мечтают быть.

А с Небес обетованных все несутся и несутся к земле те самые чарующие звуки, что рождены были под пальцами человека, о котором однажды с чисто одесским юмором сказано было:

Эмиля просто обезглавишь,
Изобразив его без клавиш. ■